

УДК 327

М. Х. Мукбиль

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА И ЕЕ НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

В мировом информационном пространстве, от масс-медиа до академического дискурса, – всё чаще мелькает знакомый из прошлого термин «холодная война». Представляется, что возврат термина «холодная война» имеет две стороны. Одна из них связана с его удобством для фиксации обществом и различными структурами власти реального состояния дел в мире, усиления конфронтационных тенденций между Россией и Западом, резкого нарастания их конфликтного потенциала. Вторая сторона заключается в том, что холодная война, как известно, представляла собой вполне определённый, детерминированный историческими обстоятельствами тип острого конфликта между мировыми капиталистической и социалистической системами. Этот конфликт базировался на отказе от традиционных прямых вооружённых столкновений между сторонами конфликта, на их переносе в иные регионы и сферы соперничества с использованием идеологических, экономических и иных инструментов. Сегодня ситуация коренным образом изменилась. Появились такие летальные вооружения, которые никак не связаны с традиционными видами оружия и могут использоваться скрытно, в том числе без обнаружения реальной стороны, стоящей за применением этого вооружения. В этих условиях термин «холодная война», по сути, описывает вчерашнюю реальность и скрывает существо дела. Как отметил в сентябре 2014 года ведущий военный теоретик, консультант Пентагона и правительства Израиля Мартин

Ван Кревельд: «В современном мире больше нельзя провести грань между войной и миром, и в этом смысле привычные нам понятия «горячей» и «холодной войны» утратили смысл. Мир всё в большей степени перманентно оказывается в ситуации непрекращающегося, но в значительной мере скрытого насилия»[1]. Соответственно, можно сделать вывод о том, что массированное использование на Западе термина «холодная война» является средством психолингвистического воздействия на российское экспертное сообщество и российский политический класс, элементом рефлексивного управления: мол, вы проиграли в прошлой холодной войне, значит, обязаны проиграть и в этой. Поэтому, используя термин «холодная война», следует помнить, что он – всего лишь обёртка, внутри которой прячется новое, принципиально иное содержание, гораздо более опасное для России. Отличие связано, прежде всего, с тем, что приход к власти администрации Б. Обамы означал принятие на вооружение правящей элитой США радикальной доктрины американской исключительности. Об этой исключительности Барак Обама сказал в первой же своей речи в качестве президента США и с тех пор не устает повторять этот значимый термин во всех ключевых выступлениях.

Иногда даже искушённые аналитики за рубежом и в России делают вывод о том, что американская исключительность – это не более чем пропагандистский штамп и риторический приём. Однако это не так. В соответствии с американской политической традицией частое использование столь значимых терминов показывает на появление принципиально новой внешнеполитической доктрины. Эта доктрина представляет собой следующий и ещё более, если можно так выразиться, фундаменталистский вариант привычной концепции однополюсного мира. Доктрина американской исключительности предоставляет право быть субъектом стратегического действия только лишь США. Остальные страны, в конечном счёте, должны выполнять роль инструментов в реализации исключительного права

Америки устанавливать идеалы, сформулированные в её Декларации о независимости. Нетрудно заметить, что доктрина американской исключительности появилась и была обнародована вскоре после исторической Мюнхенской речи В.В. Путина, но в значительной мере «доктрина Обамы» была именно ответом на сформулированное президентом РФ видение современности и будущего как сложного, взаимозависимого существования и развития равноправных цивилизационных миров, каждый из которых имеет собственную логику развития, ценности и суверенные права. По сути, выступление В.В. Путина явилось обнародованием первой за столетие российской внешнеполитической доктрины, основанной на традициях отечественной геостратегической мысли, восходящей к работам К. Леонтьева, Н. Данилевского и ряда других авторов. С этого момента правящие элиты не только США, но и Запада в целом, прилагают все усилия к тому, чтобы не допустить формирования России как самостоятельного субъекта стратегического действия. Когда эти усилия внутри нашей страны не увенчались успехом, упор был перенесён на внешнеполитическую арену. Ключевой момент «доктрины Обамы» состоит в том, что её невозможно реализовать без ликвидации России как реального и потенциального субъекта стратегического действия, без превращения нашей страны в политический объект, в инструмент для правящих элит Запада. Теория «управляемого хаоса» полностью лежит в русле стратегии Белого дома и Пентагона, которая направлена на то, «чтобы предотвратить повторное появление любой новой сверхдержавы на территории бывшего Советского Союза или в каком-либо другом месте. Цель состоит в том, чтобы Соединённые Штаты Америки никогда впредь не сталкивались с угрозой, сравнимой с Советским Союзом. Это является главным фактором, лежащим в основе новых глобальных и региональных стратегий. Практически они должны обеспечить условия, которые предотвратят доминирование любой враждебной силы в регионах, ресурсы которых достаточны для

создания в перспективе новой глобальной власти. К таким регионам относятся Западная Европа, Восточная Азия, территории бывшего Советского Союза и Юго-Восточной Азии»[2]. Данная стратегия впервые была опубликована в марте 1992 года и утверждена ещё президентом Дж. Бушем-старшим, а с тех пор неуклонно реализуется сменяющимися друг друга администрациями Белого дома независимо от их партийной и прочей принадлежности.

Теория «управляемого хаоса» Стивена Манна ставила и ставит своей целью деструкцию территорий и ресурсных баз любых потенциальных кандидатов в новые сверхдержавы. Некоторое время её положения циркулировали в пределах государственного департамента и учебных учреждений министерства обороны США. Подавляющая часть проблем, с которыми сталкиваются в настоящее время Соединённые Штаты в самых разных уголках планеты, от Египта до Ирака, от Нигерии до Афганистана, являются результатом их же собственных неразумных, авантюристических действий, в значительной степени связанных с реализацией стратегии «управляемого хаоса». Хаос можно организовать или создать, но управлять им ещё никто не научился. Поэтому после каждого вмешательства американцев остаются «несостоявшиеся государства», и зоны перманентных боевых действий, типа Сомали, Йемена, Афганистана, Ирака и других стран Ближнего Востока, лесных районов Колумбии и т. п. В свою очередь, эти регионы становятся рассадниками мирового терроризма, наркотрафика, работорговли, торговли оружием и т. п. И всё это, так или иначе, проникает в Америку и Европу. В общем, концепция «управляемого хаоса», которую более правильно было бы назвать концепцией «управляемой организации хаоса», обернулась вторжением хаоса в сами Соединённые Штаты и другие страны Запада. Сегодня всё четче проступает новое лицо войны, которую Запад ведёт против России. На наших глазах стирается граница между войной и миром и формируется – по крайней мере, на обозримое будущее – новая

реальность: «войномира» или «мировойны». В этой неудобной, жёсткой и некомфортной реальности предстоит жить всем. И наша страна здесь – не исключение. Ей уже сегодня брошены прямые и жёсткие вызовы, созданы новые, в том числе непривычные, угрозы. В ходе нарастающего глобального системного кризиса индустриализма в его поздней стадии финансизма любые жёсткие насильственные противоборства неизбежно приобретают характер войн за будущее. Такого рода войны ведутся во имя решения трёх задач.

Во-первых, для выигрыша времени, необходимого для нахождения путей выхода из кризиса. Войны за время – самые жестокие войны, поскольку во многих случаях они предполагают лишь одного выжившего, забравшего себе временной ресурс всех проигравших.

Во-вторых, это войны за ресурсы, в том числе не только за полезные ископаемые, производственный потенциал и т. п., но и, во всё большей степени, – за воду, другие рекреационные ресурсы, нетронутые территории, которые могут стать основой новых техноценозов, и т. п.

В-третьих, это войны, главной целью которых становится не обладание каким-либо ресурсом, а десубъективизация противника, превращение его из активного, деятельного актора, играющего свою роль в мировой политике, а главное – имеющего собственное культурное и цивилизационное лицо, – в объект, инструмент для решения тех или иных задач победителя военного конфликта.

На ведущих американских военных интернет-ресурсах особо отмечается искусство осуществления операций в рамках гибридных войн, продемонстрированное Россией в Крыму[3]. Несмотря на достаточно жёсткую форму противоборства России, США, Евросоюза, НАТО в ходе украинского кризиса, высшие должностные лица западных стран и союзов, включая Б. Обаму, нового Генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга, Ф. Бридлава и других, не устают повторять, что «горячий» военный конфликт между Россией, США и НАТО просто немыслим в современном мире.

Искренностью эти высказывания, конечно, не отличаются. Однако вполне очевидно, что традиционный военный конфликт напрямую с Россией – это последнее, на что готов пойти сегодня Запад. Так же скептически Запад рассматривает свои шансы на дипломатической арене. Тому много причин, включая постоянное членство России в Совете Безопасности ООН, блокирование по многим ведущим вопросам мировой политики России, Китая, Индии, Бразилии, противоречия внутри Европейского союза и т. п. До недавнего времени большие надежды в конфронтационной плоскости Запад связывал с информационными войнами. Однако за последнее время ситуация изменилась и здесь – вследствие сложной комбинации разнообразных факторов. Среди них, прежде всего, следует выделить целенаправленные и согласованные действия России, Китая и присоединившихся к ним многочисленных стран, традиционно относимых ко второму миру [4], по радикальному ослаблению контроля США над интернет-пространством и защите собственного «цифрового суверенитета». Свою роль сыграли и разоблачения Э. Сноудена, заметно изменившие отношение к информационной политике США со стороны их западных партнёров. Наконец, немаловажную роль сыграл переход России от оборонительной к наступательной стратегии в информационном противоборстве, включая задействование таких инструментов, как Russia Today, блогерские сообщества и т. п. По мнению подавляющего большинства серьёзных аналитиков, в сфере ментальных войн Запад утратил технологическое и кадровое превосходство и перешёл от наступления к обороне. Огромные надежды в сфере информационного противоборства связываются на Западе с инструментарием поведенческих войн. Однако пока здесь только завершаются подготовительные мероприятия, и реальное применение поведенческих войн ожидается только через два–три года[5]. В этих условиях фактически безальтернативными полями войны Запада против России стали поля экономики и технологии. Традиционным

инструментом, используемым в этих сферах, является механизм санкций, который в том или ином виде действует уже более 200 лет.

Теме экономических и технологических санкций посвящено огромное количество работ. Она постоянно обсуждается на многочисленных открытых и закрытых площадках. Наибольшим авторитетом на Западе в этой сфере пользуются основополагающие труды, посвящённые теоретическому и эмпирическому анализу санкций за последний век, авторами которых выступили Г. Хофбауэр, Д. Скотт и К. Эллиотт, а также Б. Тейлор [6]. При этом экономические санкции, на которых в значительной мере сосредоточено внимание общества, несмотря на всю их внешнюю грозность, носят дополняющий характер и являются своего рода вспомогательными санкциями по отношению к технологическим. Любые ограничения по доступу к рынкам капитала даже в краткосрочной перспективе, измеряемой интервалом порядка полутора-двух лет, не могут оказать сколько-нибудь заметного воздействия на российскую экономику. В настоящее время огромные объёмы инвестиционных ресурсов и свободных финансовых средств имеются на рынках Китая, Ближнего Востока, в таких финансовых центрах, как Гонконг, Сингапур и т. п. В современном мире единственный ресурс, который наличествует в избытке, – это деньги. Именно с переизбытком данного ресурса связана происходящая на наших глазах повсеместная инфляция активов, выражающаяся в росте курсов акций и различного рода индексов. Высшие китайские должностные лица уже сделали заявления о своей готовности заместить западные финансовые институты на рынках кредитования и инвестирования в российскую экономику. Поэтому сами по себе финансовые санкции неприятны, но и мало результативны. Это угрозы, которые несложно отразить даже с использованием стандартных финансово-инвестиционных инструментов. С технологическими санкциями дело обстоит сложнее. Несмотря на глобализацию экономики, соответствующей ей технологической глобализации не произошло. В результате налицо

достаточно серьёзная диспропорция между динамикой и масштабами экономической мощи и объективными характеристиками технологического лидерства. Соединённые Штаты, Германия, Франция, Великобритания, Япония, Израиль и ряд других западных стран по-прежнему концентрируют в своих руках собственность на основные критические технологии [7]. Это хотя и неприятная для нас, но реальность. Зачастую её пытаются опровергать ссылками на экспоненциальный рост новых патентов в Китае и частично в Индии, как показатели резкого возрастания их научно-технологической мощи. Также используется индекс роста совокупных расходов на НИОКР. Однако это не вполне так. Детальный анализ патентов и структуры расходов на НИОКР показывают, что подавляющая их часть относится к так называемым «улучшающим инновациям», т.е. различного рода техническим изобретениям, совершенствующим уже найденные технологические решения. Они не имеют прямого отношения к прорывным критическим технологиям и не ведут к изменению структуры страновой собственности на основные пакеты технологий.

Параллельно этому следовало бы обратить внимание на ещё одно обстоятельство, совершенно ускользающее от внимания аналитиков и ни разу не упомянутое в российской и зарубежной открытой печати. По результатам разоблачений Э. Сноудена, уже после того, как прошла первая волна сенсационных материалов, Лаура Пойнтрасс на основе переданных ей Э. Сноуденом материалов опубликовала статью о роли, возможностях и инструментах АНБ в тотальном контроле и шпионаже в отношении мировых финансовых потоков, доходящих до уровня сплошного скрининга всех финансовых транзакций, осуществляемых по системе SWIFT[8]. Известно также, что с 2011 года в США под другим названием была, по сути, реанимирована программа Socrates [9], нацеленная, помимо прочего, на мониторинг конкурентоспособности не только отраслей, но даже отдельных секторов и технологических блоков и предприятий в странах – потенциальных конкурентах США. Вполне очевидно, что

соединение функционала программы Socrates и возможностей АНБ позволяет американской разведке отслеживать поставки не только готовых изделий в сферах критических и высоких технологий, но и их комплектующих в любую страну мира, относимую к потенциальным конкурентам США, в том числе – через систему финансовых транзакций.

Что же касается России, то уровень информированности США об экспорте в нашу страну не только готовых изделий, но и комплектующих для производимой в стране продукции достаточно велик ввиду ещё одного обстоятельства. Как известно, переговоры по вступлению в ВТО шли более десятилетия. В ходе этих переговоров детально «утраивались» пошлины и другие вопросы регулирования экспортно-импортных операций по изделиям любого типа, включая комплектующие, субстанции для переработки и т. п. Со слов переговорщиков известно, что по каждому вопросу западная сторона требовала предоставления от российских экономических органов соответствующей информации, обосновывающей её позицию. Таким образом, по факту у западных контрагентов, действующих, несомненно, в том числе по прямому заданию разведок, скопился огромный массив сведений по структуре российского импорта, включая, опять же, не только готовую продукцию high-tes, но и комплектующие для её производства в нашей стране. Дополнительно была получена бесценная информация, связанная с возможностями локализации высокотехнологичного производства. Для непосвященных следует пояснить, что под безобидным словом «локализация» скрываются реальные возможности импортозамещения как готовой продукции, так и компонентов и сырья, необходимого для производства готовых изделий на территории России. Информация по локализации предоставлялась для того, чтобы обосновать российскую позицию по отсрочке введения тех или иных норм ВТО, либо временного их изменения.

Таким образом, рассматривая вопросы технологических санкций, и шире, технологического противоборства, следует отдавать себе отчёт, что Запад располагает достаточно полной и адекватной информацией о потенциале, возможностях и сроках импортозамещения, а также о наличии или отсутствии альтернатив замены поставщиков из стран, присоединившихся к санкциям, на представителей иных, более дружественных нашей стране государств. Наиболее уязвимыми в технологическом плане отраслями являются нефтегазовая, в части глубокого и сложного бурения, бурения на шельфе; нефтепереработка и нефтехимия; высокотехнологичное машиностроение, включая космическую отрасль, авиастроение, судостроение, фармацевтику и т. п. Это лишь основные из множества отраслей, подотраслей и видов производств, критически зависящих от американской и европейской продукции и комплектующих, которые не могут быть заменены: либо вообще, либо без значительной потери в эффективности, – аналогами из других регионов мира, включая Китай. Отдельный разговор – об информационно-коммуникационных технологиях, в первую очередь – об их аппаратном компоненте. Следует иметь в виду, что производителями определённых классов аппаратных компонентов и готовых изделий эксклюзивно являются американские компании либо компании других стран, полностью контролируемые американским капиталом. Если в сфере бытовой электроники и техники основными производителями и частично изготовителями даже микроэлектронных компонентов стали Китай и другие страны Южной и Восточной Азии, то применительно к сложным микроэлектронным изделиям монополию по-прежнему продолжают держать США, Япония и – в меньшей степени – Канада, Великобритания, Франция и Германия. С учётом этого и выстроена западная стратегия введения технологических санкций. В первую очередь были введены такие технологические санкции, как запрет на передачу технологий, поставку техники, а также различного рода компонентов и осуществления инжиниринговых работ для

энергетического сектора, сектора двойных технологий, примыкающую к оборонно-промышленному комплексу. Несложно просчитать в этой логике и вероятные последующие шаги Запада.

Чрезвычайно важно обратить внимание и ещё на одно обстоятельство, на которое не обращается должного внимания при рассмотрении противоборства в технологической плоскости. Технологические санкции являются ключевым, но не единственным инструментом этого противоборства. Сами по себе технологии без людей мертвы. Поэтому колоссальную роль играют различного рода научно-технические обмены, стажировки специалистов в ведущих зарубежных компаниях, и особенно – в университетах, которые давно превратились в мощнейшие научно-технические и производственные комплексы. В рамках противоборства с Россией в течение последнего года проводится явный и всё более ощущаемый курс на сворачивание такого рода контактов. Делается это без каких-либо видимо принятых директивными органами санкций и широковещательных объявлений. Просто попечительские советы университетов и различного рода фондов не выделяют гранты, закрывают темы, сворачивают программы научного и технологического обмена, а также закрывают двери лабораторий и компаний перед российскими специалистами. С учётом того, что в ведущих университетах США, Западной Европы и Японии давно уже работают межнациональные коллективы, в том числе с широким представительством граждан Китая, Индии, Южной Америки, такого рода акции, по сути, ведут к серьёзному ограничению участия российских исследователей, разработчиков, инженеров, технологов в глобальном международном разделении труда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Нарочницкая Н. Россия и русские в современном мире – М.: Алгоритм, 2009.
2. Выдержки из «Руководства Пентагона по предотвращению повторного появления нового соперника», опубликованные газетой New York Times 08.03.1992.

3. <http://www.stripes.com/news/saceur-allies-must-prepare-for-russia-hybrid-war-1.301464>
4. **Параг Ханна**. Второй мир. – М.: Европа, 2010.
5. **Ларина Е., Овчинский В.** Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. — М.: Книжный мир, 2014.
6. **Gary Clyde Hufbauer, Jeffrey J. Schott, Kimberly Ann Elliott.** «Economic Sanctions Reconsidered», Peterson Institute for International Economics; Third edition, 2009; См. также **Brendan Taylor** «Sanctions as Grand Strategy», Routledge, 2010.
7. Asymmetry of technological leadership and economic power D Martin Zhao Zhen GUP NY 2014.
8. **Пойнтрасс Л., Розенбах М., Старх С.** «Служка за деньгами. Как Агентство национальной безопасности мониторит мировую финансовую систему», Шпигель. <http://hrazvedka.ru/guru/slezhka-za-dengami-kak-agentstvo-nacionalnoj-bezopasnosti-monitorit-mirovuyu-finansovuyu-sistem.html>.
9. President Reagan's Program to secure U.S. Leadership Indefinitely: Project Socrates, <http://projectsocrates.us/>